

DOI 10.15826/qr.2018.4.356

УДК 930.2:003.074+94(47)"1917"+329+929Богословский

ДРАМАТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ М. М. БОГОСЛОВСКОГО*

Петр Кабытов

Самарский национальный исследовательский университет,
Самара, Россия

Екатерина Барина

Самарский государственный экономический университет,
Самара, Россия

M. M. BOGOSLOVSKY'S DRAMATIC REFLECTION

Pyotr Kabytov

Samara National Research University,
Samara, Russia

Yekaterina Barinova

Samara State Economic University,
Samara, Russia

This article analyses the *Diaries* of the outstanding Russian historian Mikhail Bogoslovsky, a professor at Moscow Imperial University. The authors reveal the peculiarities of this unique historical source, largely filling in the gaps and lacunae of the archival materials and documentary publications that contain the official assessment of certain events. Bogoslovsky offers a wide panorama of events and facts, and not only his personal story: one may find an assessment of many of the events of his era, as well as of public authorities, representatives of the imperial administration, deputies of the 4th State Duma, and leaders of political parties. The article analyses Bogoslovsky's pedagogical activity and substantiates the thesis that among his diverse occupations, scholarly work was of primary importance for the historian. The authors focus on the peculiarities of the historian's relations with his colleagues and students. Special attention is paid to the analysis of the work on his main study, a multivolume book on the life of Emperor Peter I. The arti-

* Citation: Kabytov, P., Barinova, Ye. (2018). M. M. Bogoslovsky's Dramatic Reflection. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1217–1230. DOI 10.15826/qr.2018.4.356.

Цитирование: Кабытов П., Барина Е. М. М. Богословского драматическая рефлексия // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1217–1230. DOI 10.15826/qr.2018.4.356 / Кабытов П., Барина Е. Драматическая рефлексия М. М. Богословского // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1217–1230. DOI 10.15826/qr.2018.4.356.

cle provides information on the daily life of the historian's family, which allows the authors to identify how the scholar mastered the new social practices which helped him, like many other city-dwellers, survive in the face of a growing crisis in all spheres of economic and sociocultural life during the period of revolutionary chaos. Between 1916 and 1917, owing to an increase in crisis phenomena, the everyday life of the population of Russia took another turn. In this context, influenced by periodicals, the diaries give an impartial assessment of the ineffective work of the imperial administration, the deputies of the 4th State Duma, and the local authorities. Comparing the past of Russia with its current reality, he makes attempts to predict the future of Russian statehood. The authors conclude that in trying to escape from the dramatic reality of his time, the historian increasingly began to turn to the historical situation of the 18th century.

Keywords: diary notes; M. M. Bogoslovsky; Russian Empire; Moscow University; state authorities; political parties; 1917 Russian Revolution.

Представлен анализ «Дневников» выдающегося российского историка, профессора Московского императорского университета М. М. Богословского. Выявлены особенности этого уникального исторического источника, в значительной степени восполняющего пробелы и лакуны архивных материалов и документальных публикаций, в которых представлена официальная оценка тех или иных событий. М. М. Богословский дает широкую панораму событий и фактов не только личной истории, но и оценку многих событий той эпохи, а также государственных органов власти, представителей имперской администрации, депутатов IV Государственной думы, органов местного самоуправления, лидеров политических партий. Проанализирована педагогическая деятельность ученого, выявлены особенности его взаимоотношений с коллегами и студентами. Особое внимание уделено анализу работы историка над написанием его главного научного труда – многотомной истории жизни и деятельности Петра I. Представлена информация о повседневной жизни семьи ученого, что позволяет охарактеризовать освоение им новых социальных практик, с помощью которых он, как и многие горожане, выживал в условиях нараставших кризисных явлений во всех сферах экономической и социокультурной жизни в период революционного хаоса. В 1916–1917 гг. повседневная жизнь населения России вследствие нарастания кризисных явлений принимает иной вектор развития. В этой связи в дневниковых записях историка под воздействием сообщений периодической печати дается нелицеприятная оценка работы имперской администрации, депутатов IV Государственной думы и органов местного самоуправления. Сопоставляя прошлое России с реальной действительностью, он предпринимал попытки определить будущее российской государственности. Делается вывод о том, что историк, пытаясь уйти от драматической реальности настоящего, все чаще стал обращаться в прошлое – к историческим реалиям XVIII в.

Ключевые слова: дневниковые записки; М. М. Богословский; Российская империя; Московский университет; государственные органы власти; политические партии; революция 1917 г.

Несмотря на огромный вклад в развитие исторической мысли российского историка академика Михаила Михайловича Богословского (1867–1929), его жизнь и научная деятельность стали изучаться сравнительно недавно. Во многом это было связано с негативной оценкой его взглядов в советской историографии как монархических и «откровенно реакционных». Арест ближайших друзей и соратников М. М. Богословского в рамках «академического дела», инициированного ОГПУ, обусловил забвение его творчества на официальном научном уровне. М. М. Богословский изображался руководителем московских участников монархического заговора, в связи с чем публикация его сочинений была приостановлена, а подготовленный академиком С. Ф. Платоновым некролог на смерть ученого не был напечатан. Первая статья о жизни и исторических взглядах М. М. Богословского была опубликована академиком Л. В. Черепниным [Черепнин, с. 223–271]. В 1987 г. увидела свет книга избранных сочинений Богословского «Историография, мемуаристика, эпистолярная», во вступительной статье к которой Л. А. Черная, подготовившая к изданию этот труд, использовала фрагменты дневника историка [Богословский, 1987, с. 3–12]. Достаточно подробно проанализирована педагогическая деятельность М. М. Богословского в московских вузах [Халина, 1996; Она же, 2001; Пивоварова].

Поистине огромную работу по выявлению и исследованию археографического наследия академика с конца 1990-х гг. и по сегодняшний день проделал А. В. Мельников, заведующий отделом археографии Института славяноведения РАН [Мельников, Шмидт]. В центре его внимания оказались научные труды историка, историографические обзоры, рецензии, воспоминания о нем соратников, а также некрологи. Им выявлена цензурная правка, которая проводилась при издании главного труда Богословского о Петре Великом в 1940–1948 гг., и подготовлен к академическому изданию фундаментальный труд историка [Мельников, 2005]. В 1999 и 2004 гг. Археографической комиссией РАН были организованы научные конференции, посвященные жизни и творчеству историка [Неберекутина, Сафронова; Муравьев; Мельников, 2001]. Исторические взгляды ученого, его оценка взаимоотношений власти и общества, его деятельность как ученого и педагога нашли отражение в документальных публикациях и статьях [Шмидт, 2005; Шмидт, 2011; Муравьев; Иванов]. Вступительная статья академика С. О. Шмидта к изданным в 2011 г. дневникам историка характеризует своеобразие этого летописного памятника эпохи. С. О. Шмидт отмечает многообразие проблематики, зафиксированной в «Дневниках», акцентирует внимание на характере оценки автором политических событий периода Первой мировой войны и Великой российской революции 1917 г., высказывает мысль о необходимости историко-культурного анализа этого уникального памятника, в котором отражена не только жизнь историка в условиях надвигающейся ка-

тастрофы, но и его отношение к глобальным и частным явлениям российской действительности [Богословский, 2011, с. 10].

Цель статьи – выявление характера и степени влияния исторической реальности предреволюционной и революционной поры на профессиональную деятельность М. М. Богословского на основе анализа содержания его «Дневников», охватывающих период с 16 июля 1915 г. до 6 ноября 1917 г. Так почему именно в 1915 г. ученый начинает систематически вести дневник, в котором фиксирует мельчайшие детали окружающего его быта? Был ли он для историка основой для последующих воспоминаний или попыткой осознать драматургию повседневности и свое место в ней? Возможно, им в условиях тяжелого психологического состояния, ощущения страха старости и смерти руководила потребность в самооценке и психологической рефлексии? Или он следовал примеру своего любимого героя Петра I, и дневник – это поденные записи, материал для будущего биографа?

Анализ документальных материалов, представленных в «Дневниках», дает возможность выделить условно два этапа в жизни и деятельности М. М. Богословского в этот период. Первый – 1915 г. – характеризуется тем, что, несмотря на тревожные известия с фронтов Первой мировой войны, у историка все еще сохраняются иллюзии скорой победы российской армии. Во время второго этапа (1916–1917) вследствие кризисных явлений во всех сферах жизни и начавшегося революционного хаоса историк избавляется от традиционных иллюзий. Он критически воспринимает деятельность депутатов Государственной думы и Московской городской думы, которые увлеклись критикой власти вместо того, чтобы эффективно решать хозяйственные проблемы, полагает, что речи думских ораторов не отвечают актуальным задачам.

Как исторический источник «Дневники» многословны и насыщены самой разнообразной информацией о событиях, составлявших содержание тех лет. Регистрируя даже самые незначительные факты, ученый стремился вписать их в канву исторической хронологии, показать наложение образов прошлого на события военной и революционной эпохи. Не в эти ли дни и не под влиянием ли тяжелых жизненных обстоятельств окончательно формируется профессиональное кредо Богословского-историка, озвученное им позже, в августе 1925 г., за несколько лет до смерти: «Несравненно легче строить широкие обобщения, чем изложить даже простой, но критически выверенный факт... Чем обобщение шире, тем построить его легче» [Богословский, 2005, с. 9]. Историк находится в непрерывном состоянии осознания действительности, не только идентификации себя как ученого, гражданина, личности, но и выбора пути для России и русского народа. Противоречивость революционной повседневности заставляет его задуматься над политической судьбой России. Ответы на глобальные вызовы времени историк стремится найти как в историческом прошлом Российской империи, так и во всемирной истории.

Анализ дневников позволяет выявить основные социальные практики, отражающие многообразие и насыщенность жизни историка: это работа в Московском университете и Московской духовной академии, взаимоотношения и дебаты с коллегами, научная деятельность, отношения с женой и сыном. «Дневники» М. М. Богословского – это хроника изменений в общественно-политической жизни общества, попытка оценки наиболее значимых процессов и событий повседневности, их влияния на трансформацию поведения социума. «Дневники» создают возможность представить творческую лабораторию ученого, мыслителя, гражданина.

Одна из ключевых тем, о которой историк рассуждает в «Дневниках», – ход работы над его главным трудом «Петр Великий: материалы для биографии». Ему он посвящает все свое свободное время. Рефреном дается анализ его работы над «Петриадой»: «Пишется жизнь Петра за 1692 год»; «Продолжаю писать 1693-й год» [Богословский, 2011, с. 53]¹. Образно говоря, машина времени переносила Богословского в эпоху Петра, XVII в. был для него гораздо более притягателен и интересен, чем партитура современности. Поэтому дни, когда он был вынужден отвлекаться по тем или иным причинам (преподавательская работа, усталость и болезни, визиты гостей), ученый считал потерянными. М. М. Богословский отмечал двойственность своего положения. Он стремился к совершенству, но тягость большой преподавательской нагрузки тормозила научную деятельность, а научная работа отвлекала внимание от преподавания. Стремление обеспечить семью вынуждало его к работе не только в университете, но и еще в двух местах. Для ученого была характерна повышенная требовательность к себе. В «Дневниках» он часто занимается самообразованием, отмечая в качестве своих отрицательных черт то, что он не может сосредоточиться на одном предмете, указывает на рассеянность внимания. Он чувствовал угрызения совести за то, что не обновлял лекционный курс. Он полагал, что в идеале следовало бы каждый год читать новый лекционный курс, а прочитанное ранее печатать. Зачастую его утомляла бесконечная преподавательская работа, а также формальное бумаготворчество. Он критиковал применявшуюся практику составления одной программы под разными названиями четыре раза в год – проспект, экзаменационная программа, отчет, форма для годового отчета, что только отвлекало ученого от творчества. Прошло сто лет, а в преподавательской работе, по образному выражению М. М. Богословского, по-прежнему «все форма и бумага!» (с. 166). Традиционной осталась и еще одна проблема, которую отмечал М. М. Богословский, – сокращение учебных часов, благодаря чему, как с горечью констатировал историк, «мы, вероятно, выпускаем больших неучей» (с. 169).

Необходимо отметить титаническую научную трудоспособность ученого. Многоотомный труд М. М. Богословского «Петр Великий:

¹ Далее ссылки на это издание будут приводиться в круглых скобках с указанием страниц.

материалы для биографии» был доведен им до 1700 г. и признается научной общественностью образцом биографического исследования государственного деятеля. Несмотря на то, что М. М. Богословский тщательно выверял все факты, сопоставлял разнообразие исторические источники, анализировал имеющиеся разночтения в исторических трудах, сам он крайне критически относился к своему детищу. Он использовал любую возможность для того, чтобы найти в архивах новые документы. 25 мая 1916 г. Богословский приехал в Петербург, где принял участие в заседании Исторического общества. После заседания он сразу же поехал в архив изучать описи отдела Кабинета Петра Великого для того, чтобы убедиться в наличии или отсутствии в архиве каких-либо материалов по Азовским походам. Несмотря на интенсивность работы, его эмоциональное состояние часто было подавленным. Он сомневался в том, что успеет описать весь жизненный путь императора Петра I, и сетовал на сложности работы. В «Дневнике» мы встречаем запись: «Чтобы написать историю Петра Великого, надо самому быть вроде Петра Великого» (с. 237).

«Дневники» М. М. Богословского позволяют оценить воздействие на творчество ученого взаимоотношений с научным сообществом, приемы его ежедневного исследовательского труда. Широта его взглядов и интересов проявлялась в чтении новых книг по самому широкому кругу научной проблематики. Он был открыт для общения как с коллегами-профессорами, так и с молодыми учеными, а также студентами и магистрантами, радовался их достижениям. М. М. Богословский пытался научную критику отделить от личностных нападок. Отметим, что он досконально штудировал рецензируемые им исторические исследования, причем очень часто его оценки были нелюбезны. Так, он три недели писал отрицательный отзыв на труд С. Б. Веселовского «Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства», с досадой отмечая в «Дневниках», что книга «полна недостатков», «нет полета мысли, копаются в скрепах и справах...» И далее следовало меткое замечание: «Заключительная глава... – образец неясности» (с. 240). Он полагал обязательным публичное обсуждение исторических трудов, особенно в случае спорных выводов исследователя. С. О. Шмидт справедливо отмечает отсутствие у М. М. Богословского не только «проявлений завистливости, но даже, так сказать, местнических понятий и, соответственно, ощущения, что в чем-то обойден и недооценивают твои заслуги» (с. 35). Автор «Дневников» с большим уважением отзывается о своих коллегах М. К. Любавском, С. Ф. Платонове, Д. Н. Егорове, В. И. Герье, с которыми его связывали дружеские отношения. В «Дневниках» подробно, порой с большим юмором, описаны научные диспуты, защиты диссертаций, заседания ученого совета.

Революционные события негативно отразились и на профессиональной карьере М. М. Богословского. 12 марта 1917 г. он был уволен в связи с рекомендацией министра народного просвещения А. А. Мануйлова,

который предписал отправить в отставку профессоров, назначенных после 1905 г. (прежде всего преподавателей с консервативными политическими взглядами). Тогда же были восстановлены в должностях ранее уволенные профессора, в частности А. А. Кизеветтер, на чье место пришел Богословский в 1911 г. Историк очень тяжело переживал свою отставку, но считал, что его совесть чиста, так как он «сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В. О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться» (с. 325). В «Дневниках» Богословский приводит сведения о поддержке и сочувствии со стороны коллег и друзей. Он был растроган вниманием студентов, что, несомненно, не могло не повлиять на настроение профессора, так как он «и не подозревал студенческих симпатий» к себе (с. 327). Злобным нападкам со стороны новой власти подвергся и ректор Московского университета М. К. Любавский. В письме к С. Ф. Платонову ученый, скрывая за иронией глубокую обиду, писал:

Ни в какое «начальство» теперь не приходится идти, да и не возьмут как «слугу старого режима», хотя мое отношение к старому режиму, как Вы знаете, было аналогичным отношению к Орде Александра Невского, а не московских князей (цит. по: [Мандрик, с. 50]).

М. М. Богословский 18 апреля 1917 г. отмечал по этому поводу: «Он [М. К. Любавский] очень нервничает и считает свою кандидатуру в ректоры невозможной. Вообще считает себя лишним человеком» (с. 343). Несмотря на увольнение, ученый продолжает интенсивно работать: пишет статью о Псковской правде для «Исторических известий», читает монографии коллег А. И. Яковлева и Р. Ю. Виппера и надеется, что наличие противников в университете не помешает его избранию на должность профессора. С большой благодарностью он отзывается о теплом письме С. Ф. Платонова; сообщает о встрече с А. Н. Савиным, который убеждал не беспокоиться относительно выборов, хотя, «конечно, вы человек с углами в политике...» (с. 341-342). 25 апреля 1917 г. Богословский вновь был единогласно избран профессором университета. В «Дневниках» он отмечает свою «невозможность» - о его избрании на должность газеты не сообщили, тогда как об увольнении три раза информировали городское общество.

Ценность «Дневников» М. М. Богословского состоит в том, что в них содержится громадный резервуар исторической информации об изменениях в повседневной жизни москвичей в 1915-1917 гг. Сведения о политических событиях М. М. Богословский черпал из периодической печати, разговоров с друзьями, коллегами и членами семьи. Историк полагал, что нападки на государственную власть, взаимные политические и партийные перебранки на заседаниях Думы не только не приведут к положительным последствиям, но и будут способствовать разложению государственного строя. Его недовольство часто прорывается острыми критическими оценками. 3 ноября 1916 г. он писал:

Блок [в IV Государственной думе] повел яростную атаку на правительство, желая его доконать и добиться ответственного министерства. Россия изображается стоящей на краю гибели. Крик и шум невероятный. Все это партийная тактика и партийные приемы: не считаясь со средствами, добиться своей партийной цели (с. 264).

Резко отрицательно он относился к предполагаемому сепаратному миру с немцами, одна мысль о котором вызывала у историка чувство бессильной злобы. Он писал 14 декабря 1916 г.:

Над русской землею нависла какая-то темнота. ...На фронте – вялое затишье, скорее с неудачами для нас, чем с успехами. Внутри гниль, уныние, дряблость и революционная лихорадка, гнилостная революционная лихорадка (с. 277).

В начале 1917 г. он еще продолжал верить, что катастрофы не произойдет, несмотря на «революционный психоз» масс и нарастающий политический кризис. Рассуждая о событиях 1917 г., Богословский проводил аналогии как с историческим прошлым, так и революциями в Англии 1688 г. и Франции 1830 г. Однако его заключение («Из абсолютной монархии прямо в “демократическую республику” не прыгают», с. 396) было опровергнуто стремительным революционным вихрем.

Рост продовольственных цен, топливный и транспортный кризис, «бесконечные хвосты» очередей за хлебом не могли не волновать М. М. Богословского, так как он беспокоился за благополучие своей семьи. Отсутствие газет, разнообразные слухи о петроградских событиях, роспуске Думы, горячие дебаты в университете по этому поводу, забастовка в Москве порождали у него чувство подавленности. Тем не менее, чувство юмора не покидало ученого. 28 февраля 1917 г. он записывал в «Дневниках»:

Несомненно, что произошла революция – но какая именно, никому в Москве не известно. Итак, ясно, что Москва – большая провинциальная деревня, в стороне от событий. С чувством полного бессилия как-либо участвовать в их ходе мы слушали реферат Веселовского [на заседании ОИДР] об источниках XIX главы Уложения и разошлись в начале 10-го часа (с. 315).

«Дневники» Богословского превращаются в своеобразную хронику революционных событий. Он фиксирует мельчайшие детали: введение хлебных карточек, появление на улицах Москвы автомобилей с вооруженными солдатами, молодежи «с красными бантиками в петлицах» (с. 316–317). В записях от апреля 1917 г. на каждой странице находим всё новые подробности революционной действительности – «трамваи берутся с бою», «улицы полны народа и необычайно грязны», «солдаты переполняют поезда», «в Москве грабежи и убийства» (с. 225, 337, 345).

Но вместе с тем ученый пытается осмыслить происходящие события, прежде всего судьбу монархии, политическую обстановку, возможный выбор путей развития будущей России. Он пророчески предвидел, что «быстро мчащиеся революционные события» потрясут все области жизни, а потому был настроен крайне пессимистично. Прежде всего это было связано с тем, что, критически оценивая деятельность левых политических партий и их лидеров, ученый полагал, что они не смогут создать единый блок, и на смену стабильности придет анархия. Историк с горечью отмечает бесполезность предостерегающих речей, полагая, что беспочвенное упоение свободой и надежды на «земной рай», которые превалировали в сознании большинства населения страны, будут разбиты лишь «отрезвляющим» опытом.

Отметим, что автор дневника последовательно проводил мысль о необходимости твердой власти. Он с горечью вопрошает:

Власть существует для того чтобы ей повиноваться, а не для борьбы с нею: если этого не признавать, если смотреть на «власть» как на мишень для нанесения ей ударов, то далеки ли мы от анархии? (с. 277).

Но если в годы Первой мировой войны он защищал правительство, то по отношению к министрам Временного правительства он с раздражением замечал, что они не способны распоряжаться полученной властью. 21 апреля 1917 г. он пишет:

Временное правительство все же некоторый последний устой и символ порядка. Но оно власть без власти. Его никто не слушает и знать не хочет (с. 346).

Достаточно скептически он оценивал двоевластие как отсутствие реальной власти. Подобные же оценки мы можем видеть в «Записках» Ю. В. Готье, друга ученого, который винил в развале страны и крайне правые, и крайне левые силы [Пантыкина].

М. М. Богословский не слишком разбирался в различиях социал-демократических течений, однако стремился побольше узнать «о товарищах», которые пока ничего не создали, но все разрушают. Впервые он упоминает о «безобразиях большевиков, повсюду действующих “захватным правом”», 10 апреля 1917 г. (с. 339). Анализируя июльский политический кризис, он 7 июля отмечал:

Газеты принесли известия о том, что мы все давно... знали... что Ленин, анархисты и большевики находятся в связи с Германией и действуют на немецкие деньги (с. 380).

Он отрицательно относился к партии эсеров, полагая, что ее лозунг «Земля и воля» устарел, смысла отбирать земли у помещиков нет, так как это не решит проблемы малоземелья.

Конечно, в «Дневниках» Богословского эмоциональные суждения идентичны тем, которые присутствуют во многих документальных свидетельствах той эпохи. Как и многие его современники, он говорит о том, что «Россия обратилась в какую-то гигантскую говорильню», сетует на рост цен, грязь на улицах, дурные известия из армии и дезертиров, неоднократно упоминает о ежедневных вооруженных грабежах. Для него символом демократии становится шелуха от семечек подсолнуха. Он отмечает, что как на улицах Москвы, так и на пароходе, на котором он с семьей уезжал на летнюю дачу, «раздавались речи в духе последнего времени: большевики, меньшевики, буржуи и т. д.». Во время этих разговоров в колоссальных размерах поедались семечки, скорлупа от которых разбрасывалась рядом. При этом ученый едко замечал:

При грызении подсолнухов выражение лица делается необычайно тупым и бессмысленным, а челюсти в непрестанном движении и работе. В зерне подсолнуха, должно быть, зерно нашей «свободы» (с. 370).

Историко-философские рассуждения Богословского касаются прежде всего будущего России. Он то и дело задается вопросом: что ожидает родину? К сожалению, прогнозы его неутешительны:

Гибель промышленности, финансовый крах, армия в виде гигантского трупa, сепаратный мир, развал России на отдельные части, возвращение войск при демобилизации – бурное, беспорядочное, стремительное, перед которым побледнеют все ужасы великого переселения народов (с. 365).

Богословский крайне негативно относился к хаосу революции, «процессу смрада и разложения». Полагая, что Россия болеет социализмом, «как дети болеют корью или скарлатиной», он отмечает: «революция – роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества» (с. 358, 364). Ученый считал виновными в развязывании революционного пожара интеллигенцию, «третий элемент», и либералов, прежде всего кадетов. Он отмечает их идеализм, атеизм и космополитизм, неспособность к диалогу. Примечательна в этом плане его последняя запись от 6 ноября 1917 г.:

Мысли о том, как гг. Родзянки, князя Пав[ел] Д. и Петр Д. Долго-рукие, Базилевские, Сухотины, Коноваловы, Челноковы, Рябушинские etc., фрондируя против Николая и учиняя поход против «власти», рубили сучок, на котором сидели. Вот и расплачивайся теперь именными и фабриками за свое легкомыслие. Два последние перед революцией года «власть» поносились и проклинались, и при том не именно Н[иколай] П, а «власть» вообще. ...Вот она и рухнула, эта ненавистная власть, а подика, найди ее теперь (с. 456).

Неоднократно на страницах «Дневников» он рассуждает о гибельности политики, проводимой Временным правительством, для будущего страны, о ее непоследовательности и нерешительности, говорит о том, что «колпаки, разумеется, все проглядели и не знали того, что было ясно как день» (с. 381). Автор радуется, что, работая над «Петриадой», он живет в 1697 г. и «хоть на несколько часов в день может покидать русскую действительность XX века с ее “товарищами”, “эсерами”, “линиями повеления”, и всем этим прочим словесным навозом и с ее небывалым позором» (с. 396).

Помимо чисто политических оценок, в дневниковых записях М. М. Богословского присутствуют и свидетельства перемен социально-бытового характера. Он беспокоится за безопасность своих близких, констатируя, что «дачная колония в тревоге проводит каждую ночь», фиксирует изменения в повседневной жизни, как наблюдаемые им лично, так и почерпнутые из газет. А в сентябре он находится уже в полном унынии, не видит никакого выхода из создавшегося тупика, отмечая, что безотрадные новости из газет («бунт, буйство, насилие, грабежи, погромы») лишь подтверждают, что Россия катится в бездну катастрофы и хаоса. 2 сентября 1917 г. он отмечает: «...и все мы похудели и постарели... И мы теперь живем день за месяц, а месяц за год». А уже через месяц, 5 октября, с горечью констатирует: «Мы совершенно отвыкли уже есть. Попросту начинаем голодать» (с. 414, 436).

Уже 9 сентября 1917 г. он предвидит приход к власти большевиков и полагает, что в этом случае русская революция достигнет последнего левого рубежа и начнется обратное движение. Богословский неоднократно отмечал значение сильной государственной власти, решительных действий, поэтому он с недоверием оценивал действия Временного правительства. 24 октября он записывает: «Канатный плясун [А. Ф. Керенский], ходивший все время на задних лапках перед товарищами, кажется, дотанцовывает свои последние дни» (с. 447). Весьма значима оценка М. М. Богословским политических деятелей России, которая содержится в записи от 25 октября. Он вновь сравнивает Петровскую эпоху с событиями 1917 г.: «Это была не та дряблая, гнилая, пораженная неврастений и разваливающаяся Россия, которую видим теперь». И совсем уж убийственно звучат его слова о том, что Керенский в последней речи в Совете республики «назвал Ленина “государственным преступником”, а Ленин в своей первой речи в Совете съезда депутатов (?) назвал Керенского государственным преступником. Курьезно. Идет война двух государственных преступников» (с. 450). Октябрьские революционные события в Москве он описывает очень эмоционально. Историк констатирует, что вооруженные столкновения начались 28 октября: «...в 4 часа [утра] я услышал сильную ружейную стрельбу... Значит, началось и в Москве!» (с. 449). В записях от 29 октября – 3 ноября находим сведения о стрельбе из ружей и пулеметов. Несмотря на эти зримые картины восстания и то, что во двор дома стали залетать шальные пули, исто-

рик продолжал писать свой главный научный труд: «Только и отрады, что уйти в прошлое и жить в Лондоне весной 1698 года. Когда работу прекращаешь, смысл бытия теряется» (с. 452). Безусловно, его в буквальном смысле потрясли явные следы революции в Москве, которые он увидел во время прогулки с сыном по городу 4 ноября 1917 г.:

Много следов от пуль, много разбитых стекол. Есть дома, где почти все стекла выбиты и повреждены снарядами стены. Какое варварство, какое дикое преступление!

Он не мог не заметить, что многие интеллигентного вида горожане находились в угнетенном состоянии: «...унылые, испуганные, хмурого вида с поникшими головами» (с. 454). Будущее развитие России представлялось ему неопределенным:

Мы едем по кругу справа налево: от царя к кадетам и октябристам (Родзянко, Львов, Гучков, Милюков), от кадетов – к социал-революционерам (Керенский), от них еще левее – к социал-демократам – и что же, теперь пойдем обратно, или, что вероятнее, движение наше, сделав полный круг, от крайне левой точки перескочит к крайне правой?.. (с. 455).

В итоговой записи от 6 ноября 1917 г. он обвиняет российскую элиту в том, что ее призывы к борьбе с властью во многом способствовали нарастанию общенационального кризиса и возникновению в стране революционного хаоса.

«Дневники» М. М. Богословского содержат ценнейшую историческую информацию об изменениях в повседневной жизни как выдающегося российского историка, так и представителей различных слоев городского общества Москвы в период Первой мировой войны и в первый год Великой российской революции. Ученик В. О. Ключевского представил яркую панораму жизни людей в условиях надвигающейся катастрофы. Автор говорит о событиях на фронтах Первой мировой войны, о своей педагогической работе в Московском университете и других высших учебных заведениях Москвы, о жизни семьи и родственников, приводит множество деталей и фактов, характеризующих различные стороны деятельности профессиональной корпорации историков, дает оценки многим государственным и политическим деятелям и политическим партиям. Вместе с тем, материалы дневника показывают и помогают понять эволюцию, происходившую в это время в жизненной и творческой позиции историка. Дневник стал для М. М. Богословского своеобразной отдушиной от драматических реалий действительности, не только попыткой осознания себя как человека и ученого, но и способом выражения гражданской позиции. Несмотря на тревожные события в стране, житейские невзгоды, преодолевая усталость и болезнь, он в буквальном смысле выкраивал время для «ухода» в другую эпоху, что позволяло ему временно отвлечься от грозной реальной действительности, а в деятельности

императора Петра I найти яркие свидетельства возрастающей мощи Российской империи, которая входила в конце XVII – первой четверти XVIII в. в число великих европейских держав.

Список литературы

Богословский М. М. Дневники (1913–1919) : Из собрания Государственного исторического музея / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Время, 2011. 800 с.

Богословский М. М. Петр Великий : Материалы для биографии : в 6 т. / отв. ред. С. О. Шмидт ; подг. текста А. В. Мельникова. М. : Наука, 2005. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 – 9 марта 1697. 535 с.

Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная : (Научное наследие) / сост. Л. А. Черная ; отв. ред. А. И. Клибанов. М. : Наука, 1987. 214 с.

Иванов А. Е. Михаил Богословский. Дневники. 1913–1919 : Из собрания государственного исторического музея // Отеч. архивы. 2012. № 4. С. 109–111.

Мандрик М. В. На службе Клио: академики М. К. Любавский и Ю. В. Готье // Тр. ист. ф-та Санкт-Петербург. ун-та. 2013. № 12. С. 46–65.

Мельников А. В. К истории рукописи труда академика М. М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии»: предварительные археографические наблюдения // Богословский М. М. Петр Великий : Материалы для биографии : в 6 т. / отв. ред. А. В. Мельников, С. О. Шмидт. М. : Наука, 2005. Т. 1. С. 432–477.

Мельников А. В. М. М. Богословский в воспоминаниях современников // Археогр. ежег. за 2000 год. М. : Наука, 2001. С. 280–300.

Мельников А. В., Шмидт С. О. Мастера русской историографии : Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) // Ист. архив. 2004. № 2. С. 119–134.

Муравьев В. А. М. М. Богословский : Выбор проблемы реформ // Археогр. ежег. за 2004 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 2005. С. 175–180.

Неберекутина Е. В., Сафронова Т. В. Дневник М. М. Богословского // Археогр. ежег. за 2000 г. М. : Наука, 2001. С. 271–279.

Пантыкина М. Сценарии политической жизни 1917–1922 гг. в дневнике Ю. В. Готье: опыт когнитивно-дискурсивного анализа // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 3. С. 742–756. DOI 10.15826/qr.2018.3.325.

Пивоварова О. Г. Историко-педагогическая деятельность М. М. Богословского // Отеч. история. 2005. № 5. С. 151–158.

Халина Т. И. Богословский Михаил Михайлович // Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. М. : РОССПЭН, 2001. С. 426–433.

Халина Т. И. В науке приятно быть и простым чернорабочим : Михаил Михайлович Богословский // Историки России : XVIII – начало XX века / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Скрипторий, 1996. С. 658–685.

Черепнин Л. В. Академик М. М. Богословский // Ист. зап. 1974. Т. 93. С. 223–271.

Шмидт С. О. Дневник московского историка и его особенности // Богословский М. М. Дневники (1913–1919) : Из собрания Государственного исторического музея / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Время, 2011. С. 5–52.

Шмидт С. О. Многоотомное исследование академика М. М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии» // Богословский М. М. Петр Великий : Материалы для биографии : в 6 т. / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 2005. Т. 1. С. 414–431.

Шмидт С. О. Образ истории в дневнике московского историка М. М. Богословского (1915–1917 гг.) // Достоинство историка / отв. ред. В. А. Тишков ; сост. В. Б. Жиромская. М. : РОССПЭН, 2011. С. 64–79.

References

Bogoslovsky, M. M. (1987). *Istoriografiya, memuaristika, epistolariya: (Nauchnoe nasledie)* [Historiography, Memoirs, Letters: (Scholarly Heritage)] / ed. by L. A. Chernaya, A. I. Klibanov. Moscow, Nauka. 214 p.

- Bogoslovsky, M. M. (2005). *Petr Velikii: Materialy dlya biografii v 6 t.* [Peter the Great. Materials for a Biography. 6 Vols.] / ed. by S. O. Schmidt, A. V. Melnikova. Moscow, Nauka. Vol. 1. Detstvo. Yunost'. Azovskie pokhody, 30 maya 1672 – 9 marta 1697. 535 p.
- Bogoslovsky, M. M. (2011). *Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Diaries (1913–1919): From the Collection of the State Historical Museum] / ed. by S. O. Schmidt. Moscow, Vremya. 800 p.
- Cherepnin, L. V. (1974). Akademik M. M. Bogoslovskii [Academician M. M. Bogoslovsky]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 93, pp. 223–271.
- Ivanov, A. E. (2012). Mikhail Bogoslovskii. Dnevnik. 1913–1919. Iz sobraniya gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Mikhail Bogoslovsky. Diaries. 1913–1919. From the Collection of the State Historical Museum]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 4, pp. 109–111.
- Khalina, T. I. (1996). V nauke priyatno byt' i prostym chernorabochim: Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii [In Scholarship, It is Also Pleasant To Be an Ordinary Unskilled Worker: Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky]. In Sakharov, A. N. (Ed.). *Istoriki Rossii. XVIII – nachalo XX veka*. Moscow, Skriptorii, pp. 658–685.
- Khalina, T. I. (2001). Bogoslovskii Mikhail Mikhailovich [Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky]. In Chernobaev, A. A. (Ed.). *Istoriki Rossii. Biografii*. Moscow, ROSSPEN, pp. 426–433.
- Mandrik, M. V. (2013). Na sluzhbe Klio: akademiki M. K. Lyubavskii i Yu. V. Got'e [Serving Clio: Academicians M. K. Lyubavsky and Yu. V. Gauthier]. In *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. No. 12, pp. 46–65.
- Melnikov, A. V. (2001). M. M. Bogoslovskii v vospominaniyakh sovremennikov [M. M. Bogoslovsky in the Memoirs of Contemporaries]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2000 god*. Moscow, Nauka, pp. 280–300.
- Melnikov, A. V., Schmidt, S. O. (2004). Mastera russkoi istoriografii. Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii (1867–1929) [Masters of Russian Historiography. Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky (1867–1929)]. In *Istoricheskii arkhiv*. No. 2, pp. 119–134.
- Melnikov, A. V. (2005). K istorii rukopisi truda akademika M. M. Bogoslovskogo "Petr Velikii: materialy dlya biografii": predvaritel'nye arkheograficheskie nablyudeniya [On the History of the Manuscript of the Work of Academician M. M. Bogoslovsky *Peter the Great: Materials for a Biography*: Preliminary Archaeographic Observations]. In Bogoslovskii M. M. *Petr Velikii. Materialy dlya biografii v 6 t.* [Peter the Great. Materials for a Biography. 6 Vols.] Moscow, Nauka. Vol. 1, pp. 432–477.
- Muravyev, V. A. (2005). M. M. Bogoslovskii. Vybor problemy reform [M. M. Bogoslovsky. The Choice of the Issue of Reforms]. In Schmidt, S. O. (Ed.). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2004 god*. Moscow, Nauka, pp. 175–180.
- Neberekutina, E. V., Safronova, T. V. (2001). Dnevnik M. M. Bogoslovskogo [M. M. Bogoslovsky's Diary]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2000 god*. Moscow, Nauka, pp. 271–279.
- Pantykina, M. (2018). Stsenarii politicheskoi zhizni 1917–1922 gg. v dnevnike Yu. V. Got'e: opyt kognitivno-diskursivnogo analiza [Scenarios of Political Life between 1917 and 1922 in the Diary of Yury Gauthier: An Attempt at Cognitive Discourse Analysis]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 3, pp. 742–756. DOI 10.15826/qr.2018.3.325.
- Pivovarova, O. G. (2005). Istoriko-pedagogicheskaya deyatel'nost' M. M. Bogoslovskogo [The Historical and Pedagogical Activity of M. M. Bogoslovsky]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 5, pp. 151–158.
- Schmidt, S. O. (2005). Mnogotomnoe issledovanie akademika M. M. Bogoslovskogo "Petr Velikii: materialy dlya biografii" [The Multivolume Research of Academician M. M. Bogoslovsky "Peter the Great: Materials for a Biography"]. In Bogoslovsky, M. M. *Petr Velikii. Materialy dlya biografii v 6 t.* Moscow, Nauka. Vol. 1, pp. 414–431.
- Schmidt, S. O. (2011). Dnevnik moskovskogo istorika i ego osobennosti [A Diary of a Moscow Historian and Its Peculiarities]. In Bogoslovsky, M. M. *Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Diaries (1913–1919): From the Collection of the State Historical Museum] / ed. by S. O. Schmidt. Moscow, Vremya, pp. 5–52.
- Schmidt, S. O. (2011). Obraz istorii v dnevnike moskovskogo istorika M. M. Bogoslovskogo (1915–1917 gg.) [The Image of History in the Diary of Moscow Historian M. M. Bogoslovsky (1915–1917)]. In Tishkov, V. A. (Ed.). *Dostoinstvo istorika*. Moscow, ROSSPEN, pp. 64–79.